

тай-города) и у впадения Язуы в Москву реку, оставшимся от первых месяцев многочисленного тогда народного ополчения. Но Пожарский отвергал его призыв, приказывая своим отрядам стоять отдельно от казаков. Это, конечно, не улучшило отношение голодного и раздетого казачества к богатому, сытому и заносчивому ополчению.

Историк Костомаров пишет: «Наконец, 20 августа, Пожарский и Минин со своим ополчением прибыли к Москве. Трубецкой выехал к ним навстречу и приглашал стать в одном таборе с казаками. Но Пожарский и Минин отвечали, что не будут стоять в одном таборе с казаками. Земское ополчение стало вдоль Белогородской стены до Алексеевской Башни на Москве-реке. Главное ядро его было у Арбатских ворот: там стояли Пожарский и Минин. Заложивши стан, ратные люди стали окапывать его ровом».

Совместные бои двух ополчений по отражению прорыва поляками блокады Кремля 20-го – 21 августа 1612 года

«Пришедшу же князю Дмитрею Михайловичю (*Пожарскому*) под Москву и ста у Арбатских ворот, и Литовским людем во граде конечную тесноту учинили» - сообщает Палицын, почему-то не учитывая, что войско Трубецкого и Заруцкого уже много месяцев держало полную блокаду Кремля. Прорвать ее можно было только извне.

Тут нам следует включить еще одного рассказчика Г.Н. Бибикова¹⁵ (он погиб лейтенантом в 1942), первым в советское время собравшим воедино разрозненный материал об этих трехдневных боях двух ополчений. Эта его еще довоенная статья не была опубликована, и только через 8 лет Академия Наук решила ее издать в своих Исторических записках АН СССР (в 1950). Причина, возможно, была одна: нужно было писать - *князь* Пожарский, *князь* Трубецкой, в то время, как уже известно всей советской элите и внушенному ими народу, что *князья* были никчемными людьми. Так что сама публикация могла быть опасной для редакторов.

«Левый фланг Пожарского под начальством кн. Туренина непосредственно примыкал к Москва-реке у Чертольских (Кропоткинских) ворот и Алексеевской башни, - писал Бибиков. - Правый фланг составлял отряд Дмитриева и Левашова (400 чел.), стоявший у Петровских порот. Между ними были расположены: отряд Лопаты-Пожарского (700 чел.) у Тверских ворот, украинские помещики - у Никитских ворот и главные силы под командой Пожарского и Хованского - у Арбатских ворот. Пожарский распорядился

¹⁵ Бибиков Григорий Николаевич (1909-1942), из дворянского рода основателей архитектурного комплекса усадьбы в селе Гребнево, к.и.н., сотрудник ГИМ, автор первой книги о Минине и Пожарском (1942) и большой основополагающей статьи «Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22-24 августа 1612 г. под Москвой» (Исторические записки АН СССР. М., 1950. Т.32, с. 173 – 197).

Какие-то контакты командиров двух ополчений, конечно, были через доверенных лиц, но ни один из сочинителей не упоминает об этом. Но именно князь Трубецкой был единственным командиром, наиболее осведомленным за 15 месяцев осады о тактике и гарнизона Кремля, и гетмана Ходкевича. Немалую роль играла и необходимость защиты от нападения с востока, как это случилось в прошлом 1611 г., когда гетман Ходкевич стал в Красном селе (район сегодняшних Красносельских улиц и площади трех вокзалов) и запер довольно крепко тогда осадное войско с юга и востока.

Кроме того, учитывая, что прошлогодний прорыв войска Сапеги и обоза с продовольствием произошел через Замоскворечье, Трубецкой считал это направление самым опасным. Как мы видим в нескольких описаниях, даже Пожарского удалось убедить в этом, и он направил сюда в подкрепление свои пять сотен кавалерии для обороны опасного рубежа. Возможно, это были те же казаки Трубецкого, рекрутированные Пожарским из городов и городков на долгом пути в Москву. Но есть вероятность прибытия сюда именно дворянской тяжелой конницы, способной противостоять тяжелой и опытной в боях коннице рыцарей гетмана.

21 августа войско Ходкевича заняло позиции на Поклонной горе и готовилось к атаке на утро. Большой обоз – более 400 возов с продуктами для осажденных был расположен невдалеке.

Бой 22 августа

Этот первый день боев был яростным кровопролитным сражением отрядов Ходкевича со Вторым ополчением.

Ходкевич, спустившись частью сил с Поклонной горы и перешедший брод у Новодевичьего монастыря, нанес удар кавалерией по правому флангу русских - Передовому полку Пожарского, стоявшему в поле перед Чертольскими (Пречистенскими) воротами Земляного города (см. карту). Завязался тяжелый бой. Он продолжался почти 8 часов.

«Новый летописец» сообщает:

«Князь Дмитрий же со всеми ратными людьми вышел против него, а князь Дмитрий Трубецкой стоял на другой стороне Москвы реки у Крымского двора...

С гетманом же был бой конный с 1-го часа *(после восхода солнца)* до восьмого.... Гетман же наступал всеми людьми, князь же Дмитрий *(Пожарский)* и все воеводы, которые с ним пришли с ратными людьми, не могли против гетмана стоять конными людьми, и повелели своей рати сойти с коней и начали биться пешие: едва руками не бились...

От князя Дмитрия же Трубецкого из полка и из таборов помощи не учинилось ни малейшей, лишь казаки ругались, говоря: "Богатые пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от гетмана". *Атаманы ж Трубецкого полка:* Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, Макар Козлов пошли самовольством на помощь и говорили князю Дмитрию Трубецкому, что "в вашей нелюбви Московскому государству и ратным людям пагуба становится". И пришли на помощь к князю Дмитрию в пол-

ки и по милости всещедрого Бога гетмана отбили и многих литовских людей побили.

На утро же собрали трупов литовских больше тысячи человек и повелели их закопать в ямы. Гетман же, отойдя, стал на Поклонной горе, а с Поклонной горы перейдя, стал у Пречистой Донской».

Палицын же молчит о казаках, но добавляет новые подробности: «А которые Литовские люди выходили из града очищати Водяных ворот, и тех людей побили и знамяна поимали. А боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой со всеми своими полки тогда стоял за Москвою рекою у Пречи-

сты Богородицы Донские».

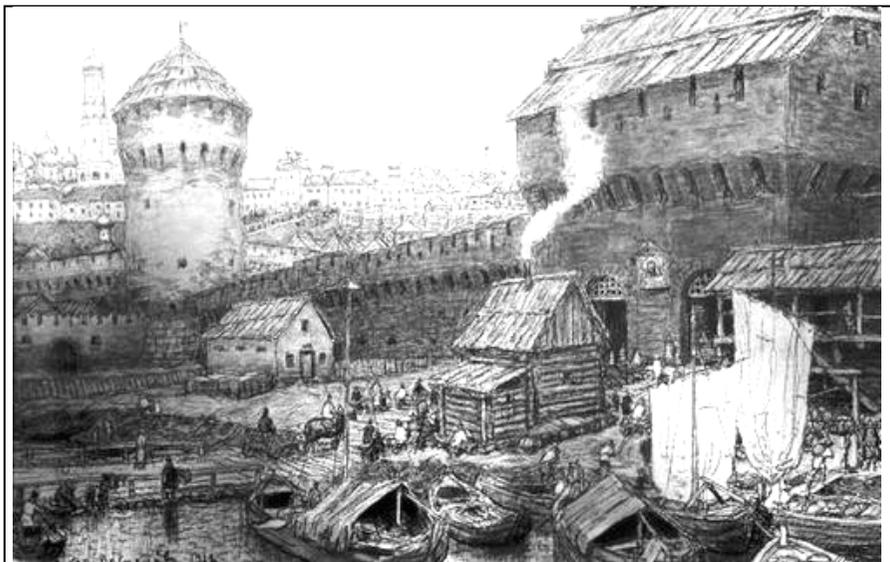
Да, Трубецкой продолжать охранять Замоскворечье, держа фланг у Крымского брода и Донского монастыря, а также сторожа линию рвов и разрушенной пожаром 1611 года стены Земляного города на юге Москвы. Совсем рядом, за рекой в 500 метрах шел бой, но неизвестен был следующий шаг неприятеля – в деле была только часть полков. Летописцы ничего не сообщают о большей части армии Ходкевича – 8 тысячах запорожцев. Значит, они пока стояли в резерве, когда сначала кавалерия Ходневича и его польская и наемная пехота прогрызала путь к Чертольским воротам. Но везти обоз в Кремль гетман мог только через Замоскворечье, а не по теснинам нескольких ворот Чертоля. Вероятно, Трубецкой считал, что битва у Чертольских ворот была отвлекающим маневром.

Бибиков, анализируя все сообщения, приходит к неожиданному выводу, что пехоте Ходкевича (вероятно, немцам) удалось прорваться через ворота и оттеснить полки Пожарского до Тверских ворот, но дружный обстрел стрельцами вынудил эту пехоту и оставшиеся отряды гетмана отойти к Но-

водевичьему монастырю. «Помощь казаков и не понадобилась» - сообщает он. Записи же о реальной «своевольной» помощи отрядов Трубецкого с точным перечислением четырех атаманов, возможно, и Бибиков посчитал пропагандистской выдумкой «Нового летописца».

Видя отряды Трубецкого на той стороне довольно широкой реки, Ходкевич, возможно и не опасался их удара с фланга, так как хорошо знал, что в этих местах бродов нет, а плывущих вразброд казаков пехота быстро перестреляет.

У Трубецкого не вызвала особой тревоги и вылазка польского гарнизона на «очистку» берега у Водяных ворот Китай-города, самых ближних к угловой круглой башне Кремля (у сегодняшнего Васильевского спуска с Красной

Водяные ворота давно снесены, но художник-реконструктор Древней Москвы Апполинарий Васнецов составил (1900-е гг.) их образ для потомков: на картине справа - ворота с мощной башней.

Слева - угловая башня Кремля и примыкающая к ней стена Китай-города. Конечно во времена боев никаких деревянных сооружений, да и моста не было. Но, возможно, для ускоренного провоза обоза были подготовлены поляками сборные *лавы* для быстрой сборки наплавного моста.

площади к Москве-реке). Это были очень важные (двойные) ворота, выходящие к Замоскворецкому броду.

На вылазку поляков был найден быстрый ответ. Стрельцы открыли огонь с другого берега, казаки пошли в атаку через брод, и, как пишет летописец, «тех людей побиша и знамяна поимаша».

Отбив все атаки, отряды Пожарского и Трубецкого разошлись по станам и таборам, оставив на дозоре крепкие *сторожи*.

23 августа.

Большинство исследователей считает, что в этот день никаких сражений не происходило. Гетман переводил свои полки и обоз с провиантом для Кремля к Донскому монастырю, туда, где вчера стоял Трубецкой.

Князь Дмитрий Тимоофеевич оказался прав в своем предвидении - ожидалась главная атака через Замоскворечье.

Но Палицын сообщает неожиданные и важные подробности ночи на 23 августа и этого дня – появление диверсионного отряда: «...В ноши же той от гетмана проидоша во град шестьсот человек гайдуков (*гайдук – легкий воин, пехота*), а наутрее вышедше из града за Москвою рекою у страстотерпца Христова Георгия острог взяли и знамя свое на церкви поставили».

Соловьев повторяет это и оснащает подробностями: «Но в *ночь четыреста возов* с запасами под прикрытием отряда из 600 человек пробрались к городу: дорогу указывал русский, Григорий Орлов; стража, опередившая возы, успела уже войти в город, как явились русские, начали сильную перестрелку и овладели возами. Бибиков добавляет, что изменнику Орлову было «подарено» (обещано?) интервентами имение Пожарского (а имений у князя было совсем мало).

Но *четыреста* возов со скрипучими колесами и ревущими быками прошли, мол, незамеченными, это же невозможно...

Как и где произошел этот прорыв, мы опять, как и в случае с прорывом Сапеги в 1611 точно не знаем.

«Новый летописец» говорит об этом по-своему, не упоминая об обозе: «315. *О походе в Москву изменника Гришки Орлова с гайдуками*. В ту же ночь после боя изменник Гришка Орлов прошел в Москву, а с собою провел гайдуков шестьсот человек, и поставил их у Москвы у реки на берегу, у [церкви] Егория в Ендове, а сам прошел в город».

Читатели помнят, что еще летом 1611 г. Первое ополчение поставило для укрепления Замоскворечья два острожка на пути от Водяных ворот Китай-города через Замоскворецкий брод к Ордынке и Серпуховским воротам земляного города. И самое главное, был врыт глубокий ров, через который никакой обоз нельзя было провезти.

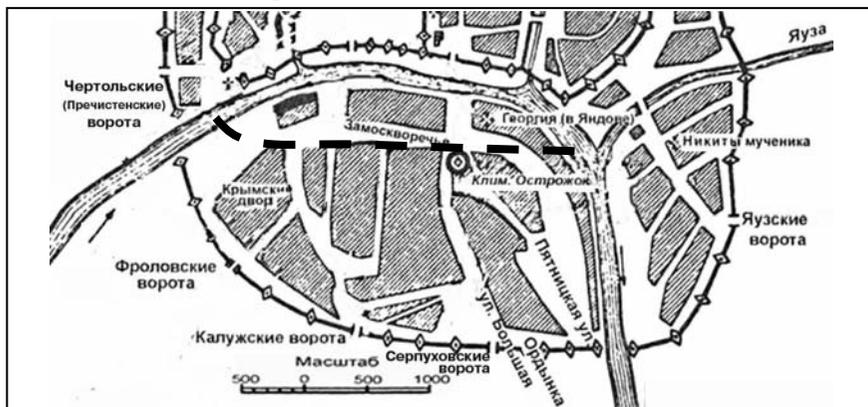
Ближний к Кремлю острог разместили у церкви «св. Георгия на Яндове», второй – у церкви св. Климента, папы Римского на углу Пятницкой улицы и Ордынки в полпути к Серпуховским воротам.

Мы снова помещаем карту Замоскворечья, так как основные события пройдут теперь здесь. Напомним, что все деревянные строения, и частично деревянные стены Земляного города были сожжены поляками в 1611 г. во время восстания москвичей.

И только трубы печей и сами печи «украшали» пейзаж этой местности, да быстро выросшая на удобренной пеплом земле крапива и прочая зелень. Две каменные церкви сохранились от пожара и были опорными пунктами острожков. Острожки, да вырытый в 1611 ров от реки до реки, да валы и рвы у стен Земляного города составляли единственные укрепления на пути полейков. Главный путь в Кремль лежал через Серпуховские ворота по Ордынке через броды Москвы реки к Водяным воротам Китай города – здесь и разыгралось основное сражение следующего дня.

Можно предполагать, что, когда мы не находим в источниках сообщения как произошли неприятные события для русских, это означает, что казаки к этому отношения не имеют, иначе бы недоброжелатели казачества непременно внесли бы это в своё летописание.

Так что, предполагаемые события ночи и утра могли быть таковыми: по левому берегу Москвы реки, контролируемом отрядами Пожарского, прошел скрытно отряд диверсантов – 600 гайдуков - легкой пехоты Ходневича. Они ворвались со стороны реки в Замоскворечье и в жестокой резне, возможно, без единого выстрела, захватили острожек у св. Егория в Яндове, уничтожив небольшой защитный гарнизон казаков.

Карта Замоскворечья с двумя острожками и предполагаемой трассой рва

Упомянутый при этом обоз в 400 возов, приведенный якобы к Кремлю, приведен летописцами ошибочно из последующих событий 24 августа.

Взятие острожка «у Егория» внесло изменение в положение сражающихся сторон. Утром и днем у двух ополчений было достаточно сил, чтобы отобрать острожек обратно. Новязаться в этот бой, не закончив перегруппировку сил, было опасно. Тем более, что существенной роли острожек не играл. Между ним и главным опорным пунктом Трубецкого – Климентьевым

острожкой лежал, как мы помним, большой, вырытый первым ополчением в 1611 году, ров с отвесными стенами, который преодолеть быки с телегами обоза не смогли бы (*см. пунктирную линию на карте*).

Не пропустить в Кремль с провиантом - вот была самая главная задача осадных войск.

Перенацеливание ночью гетманом своих войск на Замоскворечье было замечено сторожевыми отрядами и правильно расшифровано командирами и Первого, и Второго ополчений.

Они провели перегруппировку своих сил.

Пожарский, по-прежнему, должен был держать немалую часть сил у Чертольских ворот, опасаясь повторения вчерашнего удара (как вчера Трубецкой держал большую часть своих сил на правом берегу Москвы-реки по той же причине опасности). Свой командный пункт Пожарский расположил довольно выгодно - у ц. Ильи Обыденного на Остоженке в 1 км от Чертольских ворот и в 200 м. от Москвы реки, и Крыский брод был тоже недалеко и через него можно было добавить помощь в Замоскворечье. С этой возвышенности видно было все Замоскворечье.

Левый фланг обороняющихся держал Трубецкой (в центре - казаки Трубецкого в Климентовском острожке), правее – отряды Второго ополчения заняли ров и вал по границе Земляного города.

Основной табор Трубецкого располагался у впадения Яузы в Москву-реку. Командный пункт - в Больших Лужниках Замоскворечья (сегодня район ст. метро «Павелецкая», улица Бахрушина), в 800 м к востоку от Климентовского острога (район ст. метро «Третьяковская»).

24 августа

Первый этап боя – разгром русских войск в Замоскворечье.

Главный бой ожидал гетмана в Замоскворечье. Как и накануне, гетман начал бой на рассвете после восхода солнца. Он решил всем своим войском нанести здесь сильный удар, пробиться через Замоскворечье и во что бы то ни стало доставить осажденным привезенные запасы.

Правый фланг его войска занимали запорожцы (4000 конницы), центр – шляхетская хорошо вооруженная конница, за ней шла пехота наемников.

Конница Трубецкого и Пожарского вышла в поле перед рвом Земляного городом. Палицын описывает этот так:

«Зверообразный же гетман Хоткеевич прииде от реки Сетуни со всеми своими полки ко Пречистые Донские. Рустии же полцы ополчишися противу ему. Стрельцы же и казаки вси стащя по рву, сия же бышя в третий день по приходе гетманове. Светающу понеделнику, начаша полци сходитися: бе бо от обою стран множество безчислено людей.

Окаяннии же Лютори, Польские и Литовские люди, нагле зверообразным рвением наступиша на Московское воинство. Божиим же попусциением грех ради наших Рустии полцы вдашя плещи свои, на бегство устремишися;

тако же и пешие вси, ров покинувше, побегоша и острог у святого Климента покинули»

Конница Ходкевича и 4 000 запорожских казаков нанесли стремительный и сильный удар. Русские полки беспорядочно отступили через все Замоскворечье: все полки Пожарского бросили оборону и перешли на свой берег Москвы-реки. Казаки Трубецкого после сдачи Климентьевского острожка точно также по лавам через реку у церкви Никиты Словущего успели уйти в таборы, но немалая часть осталась «по рвам и крапивам».

«Новый летописец» добавляет: «И бой был великий с утра до шестого часа. Гетман же, видя против себя крепкое стояние московских людей, напал на них всеми людьми, сотни и полки все смял и втоптал в Москву реку. Едва сам князь Дмитрий с полком своим /у/стоял против них. Князь Дмитрий же Трубецкой и казаки все пошли в таборы».

Этот успех гетман Ходкевич решил сразу же использовать и ввел в Земляной город свой большой обоз с провиантом (более 400 возов) к церкви Екатерины Великомученицы Христовой¹⁶ на Всполье, что была в 800 м. от границ города на пути к Кремлю по Ордынке. Вozy забили все пути и возможно способствовали далее поражению к вечеру польского войска.

Палицын: «... из града же (из Кремля) вышедше, Литовские люди в том острожки (острог у св. Климента) сели и знамяна на церкви поставили; и запасы многие в тот острог ввезоша, яко никому же им възбраняюще...».

Первая контратака казаков Трубецкого

Свидетельствует Авраамий Палицын, который в это время, вероятно, был на Остожье у Ильи Обыденного и хорошо видел движение войск: «... казаки убо, которые от Климента святого из острожку выбегли, и озревшеся на острог святого Климента, видеша на церкви Литовские знамяна и запасов много, во острог вшедших, зело умилишася и воздохнувше и прослезившеся к Богу, – *мало бо их числом*, – и тако возвращеся и устремишася единодушно ко острогу приступом; и, вземше его, Литовских людей всех острию меча предаша и запасы их поимаша...».

В переводе на наш современный язык: казаки, увидев оскорбляющие польские знамена на церкви св. Климента в своем острожке, и, самое главное, вошедший в него многочисленный обоз (а с припасами у казаков давно было туго), собрались с духом и, хотя их оставалось мало, пошли в наступление и в ожесточенном сражении многих поляков (венгерскую пехоту) порубили. Был захвачена и часть обоза; тем более, что телеги обоза не позволили польской коннице придти на помощь.

Эта неожиданная атака деморализовала поляков: «прочие же Литовские люди устрашишася зело и вспять возвратишася: овии во град Москву, инии же к гетману своему; казаки же гоняще и побивающе их, яко и самем

¹⁶ Церковь св. Екатерины Великомученицы на Всполье (сегодня – Б. Ордынка 60/2) стояла в 800 м. от границы Земляного города на полпути к Климентьевскому острожку

им удивляющимся силе Божии; позавидев же диавол славе Божии, яко змий мечтаяся, вложи мысль лукаву тем казаком, иже Литовских людей побивающе. Первее убо они удивляющесе помощи Божии, благодаряще Бога, яко немнозем им и толико избивающе противных...»

Но никакой поддержки со стороны дворянских отрядов Пожарского успех казаков не получил.

Решив, что свою роль они сыграли, казаки, в первую очередь, занялись обозом и двинулись с припасами для товарищей в голодные свои таборы, гордясь победой и негодуя на бежавших дворян Пожарского, «богатящихся» и смеющихся над оборванными голодными казаками, и стоящих за рекой без движения на помощь («та же размышляюще, видеша множество стоящих и неспомогающих им, и исполнишася гнева и горести, возвращахуся в станы своя, укоряюще дворян, яко многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе и извет дающе, яко к тому им ко врагом на брань не исходити николи же»).

Поляки, спасая оставшую часть обоза, отвели его назад, снова к церкви Екатерины Великомученицы, укрепив ров своей пехотой: «И сия видеша врази, яко отступиша от них казаки, велико дерзновение приаша и поставиша обоз свой у церкви святых великомученицы Христовы Екатерины и ров наполниша пешими людьми и за рвом станы себе доспеша и запасы своя ввезше поставиша».

Передышка

Командиры ополчений не могли, конечно, реально оценить расстановку сил и последующие действия неприятеля. Ясно было, что польские полки устали и устроили себе передышку, но дальнейшие их действия трудно было предугадать. Приводили себя в порядок и казачьи полки, большей частью переправив свои сотни в табор на Яузе. Рассказывают, что и Дмитрий Пожарский едва успел переправить свой отряд обратно через Москву реку у Крымского брода. Некоторые считают, что он снова, как и год назад во время восстания москвичей, был даже ранен.

Сотни казаков по рвам и крапивам ждали развития событий. Ждали и некоторые группы Второго ополчения – пехота ярославских (нижегородских) ополченцев, оставшись в Замоскворечье и заняв позиции по старицам и рвам и по высокому обрыву правого берега Москвы-реки.

Боевой опыт подсказывал командирам, что поляки, поставившие несколько рот пехоты у Крымского брода, оставив на Пятницкой отряды запорожцев, возможно, переносят свой бой на завтра.

Контратака Минина и казаков Трубецкого приводит к победе

«Новый летописец»: «День же был близок к вечеру, и вложил Бог храбрость в немощного: пришел Кузьма Минин к князю Дмитрию Михайловичу (*Пожарскому*) и просил у него людей. Князь Дмитрий же ему ответил: “Бери кого хочешь”. Он же взял (*отряд*) ротмистра Хмелевского и три сотни дво-

рянские, и перешел за Москву реку, и встал у Крымского двора. Тут же стояла у Крымского двора рота литовская конная да пешая. Кузьма же с теми сотнями напустился прямо на них. Они же были Богом гонимы и помощью Пречистой Богоматери и московских чудотворцев и, не дожидаясь их, побежали к таборам Хаткеевым, и рота роту смяла.

Пехота же, видя то, из ям и из зарослей пошла натиском к таборам (*польским таборам - у церкви св. Екатерины*)».

Аврамий Палицын, посланный, по его словам, от Пожарского парламентарём к казакам поддержать наступление, добился успеха и казаки всей массой тоже бросились на поляков с остатками их обозов.

Он так описывает: «Приспевшим же всем казаком к обозу у великомученицы Христовы Екатерины, и бысть бой велик зело и преужасен; сурово и жестоко нападаша казаки на войско Литовское: ови убо боси (*одни совсем босые*), инии же нази (*нагие*), токмо оружие имуще в руках своих и побивающе их немилостивно. И обоз у Литовских людей розорвали, и запасы помали, и в остроге Литовских людей всех побили».

Поясним, что босы и голы казаки были оттого, что табор Трубецкого стоял за Москвой-рекой к востоку от сражения, бродов там (у ц. Никиты Словоущего) не было, возможно, был поставлен казаками наплавной мост или паромная переправа, масса же казаков сняв с себя обувь и портки бросились в воду и конные тоже. Вот таким было большое желание придти на помощь товарищам.

Продолжим цитату от келаря Палицына:

«Тогда бо от множества вопля и кричания обою страну не бе слышати и пищалнаго стуку, но токмо огонь и дым восходящ; от дыму же темну облаку нашедшу и покрывшу войско все; инии же, пришедше ко рву и Литовских людей изо рву всех выгнаша. На них же приспевшим воеводам со множеством конных, и бысть врагом велика погибель и станы их в разграбление взыа, проча же в воздух дымом разлиашия.

Гетман же их Хоткеевич, видя своих избранных множество побивенных от воинства православных, убоися, пометав вся своя, побеже. Православнии же, гнавше по них, многих избишия, возвратишася с великою победою, вземше вся запасы их и оружия, и вся имени сих побравше, во своя станы внесоша. А гетман со оставшимися роты ста на Воробьеве горе.

Келарь же по победе прииде¹⁷ ко князю Дмитрию Михайловичю Пожарскому. И тако благодаряще Бога и великое заступление Пречистыя Его Богоматере и молитвы великих святителей Московских Петра и Алексея и Ионы и великого чудотворца Сергия и прочих святых, и поидоша ко образу Святыя Живоначальныя Троица и Пресвятыя и Пречистыя Богородица и великих чудотворцов Сергия и Никона, идеже прежде молебнаа совершаху, и с ними

¹⁷ Келарь Авраамий Палицын был послан из штаба Пожарского на Остоженке в Лужники и в таборы Трубецкого за Москвой-рекой для призыва казаков на помощь контратаке.

множество дворян и детей боярских и всех чинов множество народа; и певше молебнаа, благодаряще Бога, и разыдошяся радующеся».

Польские свидетели со стен Москвы тоже подчеркивают, что натиск пехоты был силен. «Конные же все напустились» на поляков - казачья конница и подкрепившие успех Минина сотни Пожарского бросились в атаку.

Этого неожиданного натиска не выдержали успокоившиеся было польские отряды. Среди них началась паника, все бросились бежать. Гетману пришлось даже, чтобы навести боевое построение, вывести свои отряды из Земляного города, оставив сотни трупов в острожке и на пути бегства.

Палицын: «Гетман же, покинув многие запасы и шатры, побежал из таборов. Воеводы же и ратные люди встали по рву деревянного города, запасы и шатры все захватили».

Замоскворечье очищено от врагов

О боевом азарте казаков и ополченцев, готовых преследовать врага и дальше, свидетельствует красочно «Новый летописец»:

«Многие же люди хотели биться. Начальники же их не пустили за ров (*ров за стеной Земляного города*), говоря им, что не бывает в один день две радости, а то сделалось помощью Божию.

И повелели стрелять казакам и стрельцам, и была стрельба на два часа так, что не слышно было, кто что говорит. Огонь же был и дым, как от пожара великого, гетман же был в великом ужасе и отошел к Пречистой Донской, и стоял всю ночь, не распрягая лошадей. Наутро же побежал от Москвы. Из-за срама же своего прямо в Литву пошел».

Таков был День Победы тогда – 24 августа 1612 г.

Говорят, что Ходкевич как-то сообщил осажденным, что он уходит с целью снова набрать запасы, и обещал возвратиться через три недели. 28 августа его отряды ушли из-под Москвы.

Безнадежность кремлёвских в блокаде

Пока радовались общей победе, пока отправляли тяжело раненых в Сергиев монастырь, пока делили добычу казаки и обустроивали заново полки и острожки Пожарского, внутри кремлевско-китайгородских стен воцарилось уныние – падение их духа сопровождалось и почти полным отсутствием продовольствия. Поляки поняли безнадежность своего мероприятия – удержать центр Москвы до прихода серьезного подкрепления и воцарения Владислава, которому целовала крест большая часть Руси. Многие из русских были также здесь, часть из них была под арестом, и все они страшились своей будущей страшной судьбы и от поляков, и от осаждавших полков. Среди них были и юный будущий царь Михаил Романов, и мать его, монахиня Марфа, да и многие из элиты русского государства – попавшие «между двух жерновов».

Из записок киевского купца Б. Балыка, пришедшего за сокровищами Кремля в 1612 г. и тоже оказавшегося в осаде: "В сентябре начался страшный

голод. Наша пехота чуть не вся вымерла. Немцы всех кошек и собак поели, мед с зельем и травую ели... Первого октября пехота и немцы стали людей резать и есть. Съели всех пленников в тюрьме. Одного москвича поймали у Никольских ворот, забили и тут же съели... Два пехотинца ворвались в дом князя Ф. Мстиславского и стали искать еду. Князь попробовал их выгнать, но они ударили его по голове кирпичом. Мстиславский пожаловался пану Струсу, командиру гарнизона поляков. Тот приказал казнить виновных. Повешенных тут же сняли с виселицы и, разрезав на куски, съели...».

В начале сентября, говорят, Пожарский передал письмо осажденным, предлагая почетную капитуляцию. Была ли подпись Трубецкого на этом письме, мы не знаем. Возможно, продолжение у Пожарского вражды к казакам все еще давало себя знать, и надежда на разногласие между двумя ополчениями позволила полякам написать гордый ответ-отказ русским изменникам, *преступившим крестное целование своему государю Владиславу*.

Нет сомнения, что поляки и многие из русско-кремлевской элиты боялись, что отсутствие подписи Трубецкого могло означать для них страшную судьбу от казачества, согласившись они на выход из Кремля.

Несмотря на немалый вклад в победу казаков, Второе ополчение по-прежнему не брало их в довольствие и на службу, вместе с тем казаки у Пожарского получали деньги.

На какое-то время провиант обозов и «зипуны» побитых наемников у поляков решали проблему, но дальше грозил бунт казаков, и даже не столько бунт, как сам их уход от Москвы.

И снова келарь Троицы Авраамий Палицын и её архимандрит Дионисий взяли на себя решение проблемы.

Палицын пишет:

«Паки же диавол возмущение велие в воинстве сотвори: вси казаки встающе на дворян и на детей боярских полку князя Дмитрея Михайловича Пожарского, называюще их многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе; и хотяху разытися от Московского государьства, инии же хотяху дворян побити и имениа их разграбити.

И бысть в них велико нестроение.

Сиа слышавше во обители чудотворца Сергия, архимарит и келарь и старцы соборные сотвориша собор: бе бо тогда, в казне чудотворцове скудость деньгам велиа бысть, и не ведуще, что казаком послати и какову почесть воздати и о том у них упросити, чтобы ис-под Московского государьства неотомстивше врагом крови христианския не розошлись. И умысливше сице, послаша к ним церковнаа сокровищя: ризы, и стихари, и патрахели саженыя в закладе в тысячи рублех не на долго время, да к ним же писали со многим молением от Божественных Писаний, чтобы подвиг страдания своего совершили, от Московского государьства не расходилися и прочая.

Они же, приемше писание и прочетше его пред всем войском, слышавше же похвальныя глаголы о службе их и о терпении, и приидо-

ша в разум и в страх Божий и паки возвращают присланные к ним ризы в дом Живоначальная Троица, и дву атаманов з грамотами ко архимариту и х келарю и ко всей братии, что им по прошению их вся исполнити. Аще и тмочисленные беды и скорби приидут, то вся терпети, а не возьмеше Москвы и врагом крови христианския неотмстивше неотити».

Интересно бы найти в архиве Троицы эту важную грамоту казаков.

Да, без казаков нечего было и думать о будущей защите Москвы от прорыва блокады извне.

Кроме того, беспокоило и Троицу и всё «неказачество» проблема боярина-атамана Заруцкого с коронованной царицей Мариной и рожденным ею «царевичем Иваном». Уход казаков от Москвы означал бы присоединение большей их частью к этой троице в Рязанской Украине и на нижней Волге и начало очередной большой Смуты.

Сентябрь. Соглашение о соединении и любви

Пришла осень, прошел почти месяц после последнего боя, прежде чем князь Дмитрий Михайлович и его окружение решились преодолеть свою вражду к казачеству и руководителю первого ополчения князю Трубецкому. Как всегда, решающую роль в этом примирении сыграл снова Сергиев монастырь и его архимандрит Дионисий.

У исследователей давно имелся список некоего послания к «обоим Дмитриям» (князьям Дмитрию Михайловичу Пожарскому и Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому), на оборотном листе последнего листа которого переписчик записал название – «О любви и согласии». Большинство ученых относит его авторство к Дионисию.

Основная замечательная мысль: «... молим вас, о благочестивые князи Димитрие Тимофеевич и Димитрие Михайлович сотворите любовь над всею Российскою землею, призовите в любовь к себе всех любовью своею; поprite врага, ненавидящего любви в человецех; смиритесь под крепкую руку Божию, да вас вознесет во время свое и да прославится имя ваше в вечных родах, яко совершители бысте (будете) заповедей Господних; отрините клеветников и смутителей от ушей ваших и *возлюбите друг друга нелицемерно, не словом, но делом, от права сердца...*».

В послании говорилось о значении заповеди любви для каждого христианина, о том, как должны вести себя истинные вожди народа, чтобы не вызвать гнев Божий и не погубить страну, о необходимости покаяния. Позиция Дионисия снискала ему уважение обоих руководителей, впоследствии они дали Троицкому монастырю ряд богатых вкладов, а князь Трубецкой был похоронен в обители в 1625 г.

Послание большое и основная мысль подкреплена обширными (на 80%) примерами из Священных книг (Библии и Творений отцов церкви), посему и не публиковалось в Советское время.

Во многотомных «Актах археографической экспедиции» опубликовано в XIX веке множество интересных документов этого времени, обнаруженных в завалах архивов дальних городов.

Они и донесли до нас свидетельство о первых реальностях заключенного «обоими Димитриями с товарищи» союза. Пересказы этих документов уже известны, мы же приведем один из самих документов и просим читателей проявить терпение, потрудиться и разобраться самим во всех сочетаниях старинных слов.

1612. Грамота на Белоозеро, она озаглавлена публикаторами так:

Грамота воевод князя Дмитрия Трубецкого и князя Дмитрия Пожарского с товарищами на Белоозеро, о прекращении между ими всех распрей, о единодушном намерении их вместе с выборным человеком Козьмою Миниными освободить государство от врагов, с повелением во всем относиться к ним обоим и не верить грамотам одного из них.

На Белоозеро, воеводе господину Степану Микифоровичу Чепчюгову да дьяку Богдану Ильину, бояре и воеводы Дмитрий Трубецкой да Дмитрий Пожарской с товарищи челом бьют. Как, господа, Божиею помощью и заступлением Пречистая Богородицы и умолением всех Святых, под Москвою гетмана Хоткеева мы побили и коши многие у него взяли и запасов в Москву к Московским сиделцом не пропустили, и то вам ведомо, и мы бояре и воеводы о том к вам писали;

...и были у нас посяместа (*покамест*) под Москвою розряды розные, а ныне, по милости Божией, меж себя мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарской, по челобитью и по приговору всех чинов людей стали во единачестве и укрепились, что нам да выборному человеку Кузме Минину Московского государства доступать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякия хитрости, и Розряд и всякие Приказы поставили на Неглименье, на Трубе (*на Трубной площади*), и снесли в одно место и всякие дела делаем заодно,

...и над Московскими сиделцы промышляем: у Пушечного двора и в Егорьевском дьвичьем монастыре и у всех Святых на Кулишках поставили туры (*деревянные высокие башни для пушечной стрельбы*), и из-за туров из наряду (*из пушек*) по городу бьем безпрестани, и всякими промыслы над городом промышляем и тесноту Московским сидельцом чиним великую; и из города из Москвы выходят к нам выходцы, Руские и Литовские и Немецкие люди, а сказывают, что в городе Московских сидельцов из наряду побивают и со всякия тесноты и с голоду помирают, а едят де Литовские люди человечину, а хлеба и иных никаких запасов ни у кого ничего не осталось: и мы, уповая на Бога, начаемся Москвы доступити вскоре.

И вам бы, господа, о всяких делах слушати наших Дмитрея Трубецкого да Дмитрея Пожарского с товарищи грамот и писати о всяких

делах к нам к обоим; а которыя грамоты учнут приходить к вам из нас от кого-нибудь от одного, и вы б тем грамотам не верили; а бояре и воеводы, и окольныхчи, и чашники, и столники, дворяне болшие и дворяне из городов, и всяких чинов люди и грамоты к вам и по всем городом о том писали ж, за своими руками.

Публикаторы писали, что «Подлинник найден в архиве Белозерскаго Уездного Суда. Писан столбцом на двух листках, с скрепою по склейке и в конце: думной диак Сыдавной Васильев. На обороте вверху своеручные подписи: Боярин князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой. Князь. Дмитрей Михайлович Пожарской.

Был некогда сложен пакетом и запечатан черною восковою печатью. Надпись: На Белоозеро воеводе господину Степану Микифоровичу Чепчюгову да дьяку Богдану Ильину. *(получено лета 7)121* Ноября в 11 день (1611 года) с сыном боярским с Иваном Батюшковым.

(Мы заказали в РГАДА для наших музеев ряд документов со своеручными подписями этих князей - Спасителей Отечества и главных Правителей государства до избрания в марте царём Михаила Федоровича Романова. В Приложении 8 - фрагмент этих подписей - публикуется впервые)

Историки относят события «единачества» примерно к 22 сентября.

Упомянутые Розряды и Приказы на Трубе находились в районе сегоднешней Трубной площади на реке Неглинной, разделявшей станы Трубецкого и Пожарского. Здесь проходила стена Белого города, в которой находилась глухая башня, а в ее основании была сделана широкая арка в 5 метров длиной по всей ширине башни для протекания реки Неглинной. Народ прозвал это отверстие «трубой», а рынок, раскинувшийся с внешней стороны

Лубяной торг на Трубе.

Фрагмент картины Апполинария Васнецова. Слева под стеной арка с решеткой (*труба*) для протекания Неглинной

стены — Трубным. На рынке торговали, главным образом, брёвнами, досками и срубами. Вот почему у художника Апполинария Васнецова, воспевателя Старой Москвы, и картина есть «Лубяной торг на Трубе. XVI в.», но поместил он *трубу* поодаль от башни и забыл, что стены Белого города Федор Конь делал толстыми – в 5 метров, что образовывало насто-

ящий туннель – трубу, а не дыру в стенке.

Так было создано общеземское новое правительство из Приказов и Разрядов, созданных под Москвой в 1611 году (первого ополчения) и в Ярославле в 1612 году (второго ополчения). Продолжилась все та же будничная работа и пошли по городам Грамоты за новыми подписями «Московского государства бояре и воеводы Дмитрий Трубетцкой да Дмитрий Пожарской с товарищи челом быют...»

Октябрь 1612 г. Штурм казаками кн. Трубетцкого Китай города

Тот же купец Б. Большка записал в октябре «...16 октября выпал снег и покрыл всю траву, которой питались многие осажденные. Тогда в пищу пошли пояса, ножны, пергаментные книги и всякая падаля. Варили со свечным салом».

Осаждённые ждали хоть какого-то исхода.

И такой исход наступил.

Это был штурм казаками Китай-города 22 октября 1612 года.

Мы уже намекали нашим читателям, что если в летописаниях рассматриваемого времени нет расшифровки важных сообщений, то это связано с казаками.

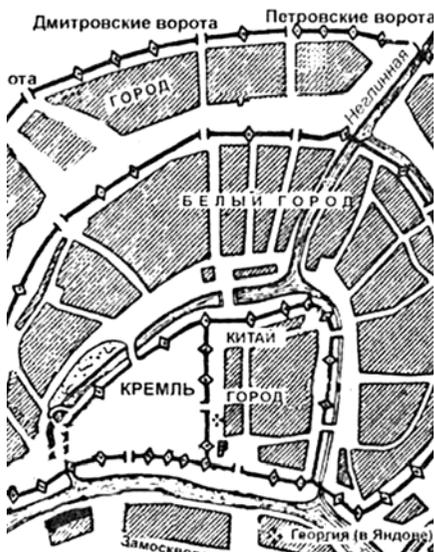
Палицын сообщает: «Заутра же 121-го году (1612 г.), октября в 22 день на память иже во святых отца нашего Аверкия, епископа Иерапольскаго, по словеси святого Сергия чудотворца, воеводы град Китай приступом взяли и много в нем Литвы и Немец побили, оставших же в Кремль вогнали».

«Новый летописец»: «320. **О взятии Китай города.** Литовским же людям начало в городе быть утеснение великое: никуда их не выпускали. Голод же у них был великий, выпускали из города всяких людей. По милости же Всещедрого Бога на память Аверкия Великого пошли приступом, и Китай взяли, и многих литовских людей перебили».

То пошел на приступ, какие воеводы взяли мощнейшую крепость Европы неизвестно. А ведь через 4 дня поляки сдались. Так что это вдвойне важно. Но молчат современники.

Часть историков вносит всё-таки некоторую ясность.

Костомаров в своей работе «Минин и Пожарский» в содержании главы пишет: «Взятие казаками Китай-города». Но в тексте нет больше ни строчки, как же это могло про-

изойти.

Соловьев вторит ему: «Наконец 22 октября козаки пошли на приступ и взяли Китай-город», а на большее почему-то тоже не нашлось слов. Правда, дополнил историк свой текст еще одной, совсем странной фразой «В Кремле поляки держались еще месяц», хотя известно, что сдались они через 4 дня.

Попробуем мы, всё-таки, хотя бы вчерне реконструировать события. Приведем карту в уменьшенном варианте.

Большая часть стен крепостей Кремль и Китай-город находилось в окружении войск Трубецкого: Замоскворечье (Кремль и южные стены с башнями Китай-города) и восточная часть Китай-города (с севера от Неглинной и до Москвы реки). Северная же часть и западная – у войск Пожарского.

Год назад, в апреле-мае 1611 казаки уже пытались взять крепость Китай-город. Напомним читателям отрывки записи поляка Мархоцкого на стр.21 нашей книг об этой попытке:

«Москвитяне этой ночью не бездействовали. Задумав нанести удар и выбить нас из стен, они все приготовили и за три часа до рассвета тихо двинулись под стены Китай-города к квартирам пана Зборовского и пана Струся¹⁸. Приставив лестницы, несколько десятков москвитян уже взобрались на стены около пана Зборовского. Я вскочил и приказал бить в колокол... москвитяне, до этого двигавшиеся бесшумно, с криком полезли на лестницы. По тревоге наши выскочили из своего расположения, и мои товарищи первыми бросились на квартиры пана Струся. А там уже пытались сбросить со стены москвитян вместе с их лестницами.

Другая часть нападавших, проделав в стене большие отверстия, вел огонь внутри, ранив некоторых из наших людей. Пока мы отражали не-

приятеля, стало светать, и москвитяне всей мощью обрушились на квартиры Бобровского, который держал угловую башню в Китай-городе над Москвой-рекой (№7 на рис.) и башню в Белых стенах (№8 на рис.), прилегавшую к первой. Там москвитянам повезло: они сразу выбили наших из башни в Белых стенах. **Бобровскому приходилось**

¹⁸ Струсь стоял у Никольских ворот, сам Мархоцкий – у Ильинских ворот, Зборовский – оборонял, возможно, Варваровские ворота, Бобровский – Угловую круглую башню (7 на рис.) Китай-города над Москвой-рекой и впадавшей здесь каналом-протоком от Неглинки и башню Белого города (8 на рис.) за протоком, с которой можно было вести обстрел Китай-города.

туго и в угловой башне: дело шло к тому, что наши вот-вот оставят и ее. Как можно скорее мы послали им подкрепления из других квартир. С Божьей помощью они защитили и угловую башню и выбили москвитян из башни в Белых стенах».

Вот такой был рассказ о попытке взятия Китай-города осенью 1611 года.

Возможно, и на этот раз Трубецкой повторил тот же маневр. Мы думаем что, как и прошлый раз, главные события развернулись у Угловой круглой башни (№7). К этому времени почти все польские командиры, имевшие опыт отражения прошлогодней вылазки, сменились: Михалай Мархоцкий был послан еще в 1611 г. на съезд польского Сейма и не вернулся, Александр Зборовский командовал запорожцами в битве на Замоскворечье. Только Струсь оставался в Китае. Судьбу Бобровского мы не знаем, но знаем, как он еще тогда очень боялся оборонять и Угловую башню и башню №8, и пришлось их оборонять по очереди другим хоругвям (ротам).

Думаем, что штурм был начат тоже задолго до рассвета и был он сделан для отвлечения сил в разных местах, как и в прошлый раз.

Башня (№8) в Белых стенах, которые поляки тогда оставили за собой, была тоже взята, и по стене над протоком-каналом Неглинной мог произойти главный прорыв: казаки ворвались в Круглую башню. Несомненно, что в дело пошли и лестницы, и проломы в стенах. После взятия башни казаки растеклись в обе стороны по широким стенам Китай-города, уничтожая ослабевшие от голода отряды поляков на улицах Китая «и много в нем Литвы и Немец побили, оставших же в Кремль вогнали».

Палицын пишет: «И обретоша много тщанов (*чанов*) и наполов плоти человеческия солены и под стропами (*под стропилами, на чердаках*) много трупы человеческого; и седоша в Китае христлюбное воинство».

Познакомимся с этой же знаменитой китайгородской Угловой круглой башней, стоящей на спуске к Москве реке (на самом деле она была многогранной – см. на рис. из

<http://architecture.artyx.ru.>)

Напомню, что строил стены и башни Китай-города итальянский архитектор-фортификатор

Петрок Фрязин малый и закончил их и завершил рвом - искусственной протокой от Неглинной в 1538 г.

Более эффектно она выглядела бы со стороны Москвы-реки, потому что она защищала спуск к Москве-реке и главенствовала своей 10-метровой высотой над рекой.

Представление может дать и прогулка по Китайскому проезду, где отставрирована небольшая часть китайгородской стены и даже в проходе в метро «Китай-город» представлена часть основания Варварской башни.

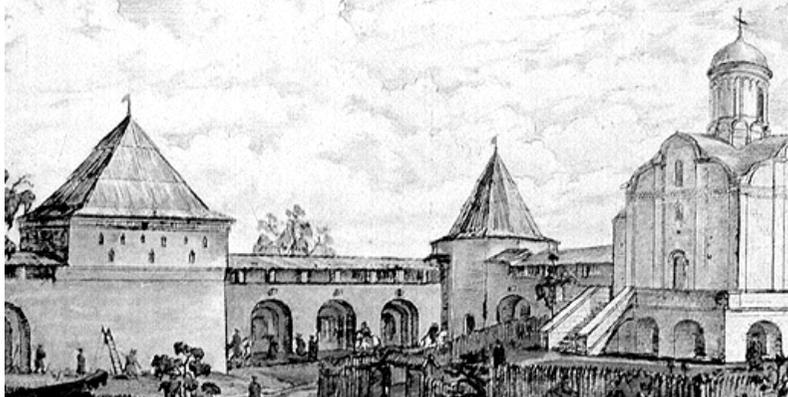

Рисунок-реставрация на XVI век – в центре Угловая круглая башня, справа – часть стены идущей к Водяным воротам Китай-города, рядом «церковь Зачатия Анны что в углу», слева - часть китайгородской стены и Космодемьянские ворота, заложенные потом.

Как образно записал Палицын: «седоша в Китае христололюбивое воинь-

Варварские ворота Китай города, слева – стена идущая по Китайскому проезду к Угловой круглой башне. Рис. 1840-го года.

ство, врагом же большую тесноту сотвориши. Еретицы же до конца изнемогоша, но, ждуще изречения (*выручки*), крепляхуся».

После выпуска пилотной партии этой книги обнаружилось еще одно важное свидетельство, подтверждающее нашу версию взятия Китай-города, – в «Пискаревском летописце» (ПСРЛ, т.34, стр. 218):

«И после того на Москве в городе в осаде почал голод быть великой, /л. 671 об./ и люди людей ели и собаки, и кошки, и всякое поганое, и почали здаватися бояре и дворяне, и литва, и съезд у них почал быть. **И в ту пору некой смотрением божиим крикнув казаки князя Дмитриева полку Трубецково с десницами на город-Китай с Кулишек от Всех Святых с Ъванова лужку. И город взяли октября в 22 день, в четверг перед Дмитревского суботою. И литву и немец многих побили, и казну поймали. И достальные паны и немцы заперлися з бояры в Кремле-городе и здалися за крестным целованьем».**

Здесь очень важное упоминание не только казаков полка Дмитрия Трубецкого, но и места, откуда начался штурм Кремля – территория прихода церкви Всех Святых на Кулишках¹⁹, что в Белом городе в 100 м. к востоку от Варварских ворот Китай-города. О церкви этой упоминалось выше в приведенном письме «обоих Дмитриев» как месте, откуда били пушки по Китай-городу («...и над Московскими сиделцы промышляем: у Пушечного двора и в Егорьевском девичьем монастыре и у всех Святых на Кулишках поставили туры (*деревянные высокие башни для пушечной стрельбы*), и из-за туров из наряду (*из пушек*) по городу бьем безпрестани»).

Нужно отметить, что все строения Белого города сгорели в пожаре 1611 года и только каменные церкви высились ориентирами для описателей событий. Других церквей на территории, примыкавшей к стенам Китай города от Угловой круглой башни до Варварских ворот не было. Загадочна запись «с Ъванова лужка». Известно, что местность к востоку от Церкви (Солянка, покровка и др.) называлась *Ивановой горкой* по старинному Ивановскому монастырю (св. Иоанна-предтечи). Возможно, что территория к западу от Церкви и юго-западу до Москвы-реки имела название *Иванов лужок*. Хот яна старинных картах именовалось это место Васильцевским лужком.

Отсюда, как мы писали, и произошел штурм Китай-города.

Возможно, этот опыт удачного штурма казаками сильной крепости Китай-город пригодился через 12 лет донским казакам при первом штурме крепости Азов в 1624 г. («бросились на Азов и взяли приступом угловую башню,

¹⁹ **Церковь Всех Святых на Кулишках (Славянская пл. 2, напротив памятника св. Кириллу и Мефодию) знаменита тем, что построена она в память погибших в Куликовской битве воинов, которые по христианской традиции были крещены с именами многих святых. Около 1488 г. она стала каменной, в 1689 полностью перестроена и с некоторыми переделками дошла до нашего времени.**

взошли на стены, но в это время башня обрушилась и атаман Родилов был ранен; турки приступ отбили...

Об этом сообщено было в Москву с атаманом легкой станицы Старовым, 9 октября 1625 г.»), и при успешном взятии Азова в 1637 г., когда подкопами они взорвали стены этой крепости.

Возможен и еще один отголосок победы «боси и нази» казаков 24 августа: на печати созданного потом Донского войска изображение казака с ружьем и саблей, сидящим голым на бочке вина. Это, несомненно, именно та бочка из обоза поляков – свидетельство казачьей победы 1612 года.

Капитуляция гарнизона Кремля

Доведенные голодом до крайности, поляки вступили, наконец-то, в переговоры с ополчением, требуя только одного, чтоб им сохранена была жизнь, что и было обещано руководителями обоих ополчений...

«Новый летописец», известный недружелюбностью к казакам, пишет:

«321. О **выпуске жен боярских и людей всяких чинов**. Литовские люди, видя свое изнеможение, повелели боярам и всяким людям жен своих выпускать из города вон. Бояре же тем опечалились, куда их выпустить вон, и послали к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому и к Кузьме и ко всем ратным людям, чтоб пожаловали их, приняли бы [жен] без позора. Князь Дмитрий же повелел им жен своих выпускать, и пошел сам и принял их жен с честью и проводил каждую к приятелям своим, и повелел им давать обеспечение. Казаки же все за то князя Дмитрия хотели убить, потому что грабить не дал боярынь.

322. О **выводе бояр и сдаче Кремля**. Литовские же люди, видя свое изнеможение и голод великий, град Кремль сдавать начали и начали уговариваться о том, чтобы их не перебили, полковникам же и ротмистрам и шляхте чтобы идти в полк к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, а к Трубецкому отнюдь не захотели идти в полк.

Казаки же, видя, что пришли на Каменный мост (*мост через Неглинку от Боровицкой башины Кремля до Троицкой башины*) все бояре, собрались все с знаменами и оружием, пришли и хотели с полком князя Дмитрия биться, и едва у них без бою обошлось. Казаки же пошли к себе в таборы, а бояре из города вышли. Князь Дмитрий Михайлович принял их с честью и воздал им честь великую.

Наутро же полковник Струс с товарищами Кремль город сдали. И Струса взяли в полк к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому со всем полком его. Казаки же весь полк его перебили, немногие остались. Полк Будилы взяли в полк князя Дмитрия Михайловича Пожарского, и их послали по городам, ни одного не убили и не ограбили из них. Сидение же было [их] в Москве таким жестоким, что не только собак и кошек ели, но и русских людей убивали. И не только русских людей убивали и ели, но и сами друг друга убивали и ели. Да не только живых людей убивали, но и мертвых из земли выкапывали: когда взяли Китай, то сами видели, глазами своими, что во многих чанах засолена была человечина».

Христоробивый Авраамий Палицын сообщает об этом по-другому: «Во граде же Кремле во осаде Поляки и Литва и Немцы и Руские изменники гладом зело стесняеми, люте умирающе.

Польской же гетман Струс и Федор Одронов (*казначей Сигизмундом назначенный над сокровищами Кремля*) со всеми паны и с Немцы и с Рускими изменники, видяще свою конечную погибель и пред очима смерть, превознесенную свою выю преклоняют и непокоривое сердце покоряют и сокрушают: по вся дни присылают к бояром и воеводам и ко всему христоробивому воинству с повиновением, живота себе и милости просяще, и себе повинных творят и о смирении молятся, и град Кремль в руке их предают.

И прежде отпустили из града боярина князя Федора Ивановича Мстисловского с товарищи (*«семибоярщиков»*), и дворян, и Московских гостей и торговых людей, иже прежде у них быша в неволи; потом же и сами вси предашяся (*т.е. и сами поляки сдались*)».

Так закончилось освобождение Москвы в 1612 году.

На другой день прошел торжественный крестный ход в честь этого великого события.

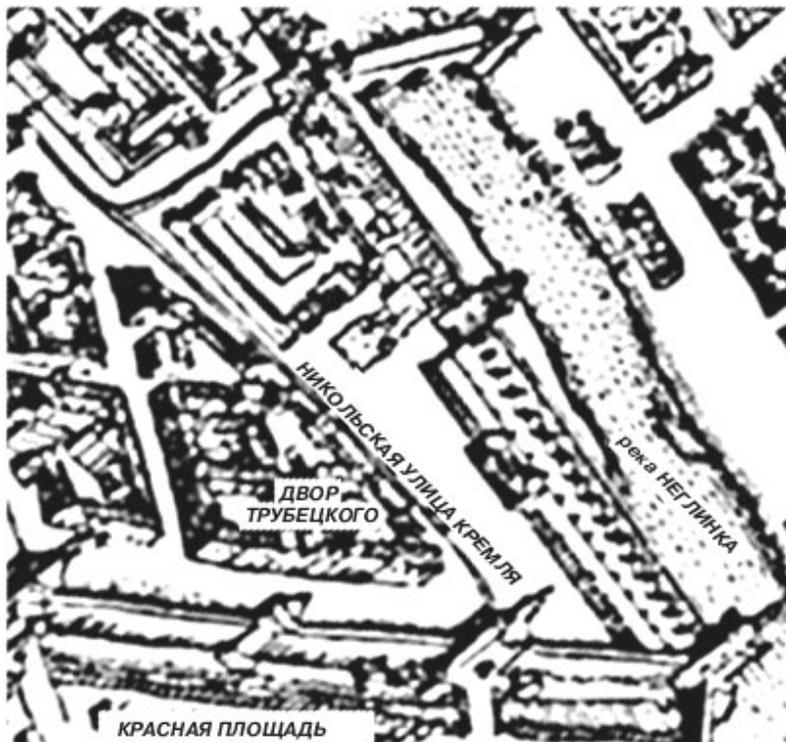
Пересказывая Палицына, Соловьев сообщает, что 27 октября ополчение Трубецкого сошло к церкви Казанской богородицы за Покровскими воротами, ополчение Пожарского — к церкви Иоанна Милостивого на Арбате и, взявши кресты и образа, двинулись в Китай-город с двух разных сторон, в сопровождении всех московских жителей; ополчения сошлись на Красной площади у Лобного места, где троицкий архимандрит Дионисий начал служить молебен, и вот из Фроловских (Спасских) ворот, из Кремля, показался другой крестный ход: шел галасунский (архангельский) архиепископ Арсений с кремлевским духовенством и несли Владимирскую: вопль и рыдания раздались в народе, который уже потерял было надежду когда-либо увидеть этот дорогой для москвичей и всех русских образ.

После молебна войско и народ двинулись в Кремль, и здесь печаль сменила радость, когда увидали, в каком положении озлобленные иноверцы оставили церкви: везде нечистота, образа рассечены, глаза вывернуты, престолы ободраны; в чанах приготовлена страшная пища — человеческие трупы!».

Но Палицын заканчивает свое Сказание более торжественно:

«... Внидоша же все воинство и вси православнии народы всех чинов во град Кремль во мнозе радости и в веселии, исповедающесе Господеви. И вшедшу во святую великую церковь Пречистые Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успения, всему освященному собору со множеством безчислено народа и совершивше божественую литоргию, и тако разыдошяся койждо восвоя, славяще и благодаряще в Троицы славимаго Бога, Ему же слава во веки. Аминь».

Во главе правительства после освобождения Москвы

Карта Кремля в 17-м веке с Никольской башней (внизу) и Никольской улицей Кремля и двором Трубецкого (место будущего здания Сената), где проходили заседания двух Правителей Московского государства – князей Трубецкого и Пожарского. Выше – Чудов монастырь, справа – место будущего Арсенала

Князь Трубецкой и все *Приказы* и *Розряды* правительства с Трубы пещерши в Кремль. Пожарский остался на Арбате, где у дяди, его воспитателя, был дом и где был главный стан Пожарского с августа. Дома погорели многие и Пожарский расположился в Воздвиженском монастыре, но каждый день приезжал для общего руководства обоими Правителями Русского государства всякими военными и земскими делами.

В Кремле большинство зданий было загажено оккупантами и даже к приезду царя Михаила Федоровича не удалось подготовить соответствующие величю царя покои.

Князь Трубецкой занял в кремле двор Шуйских. Двор этот занимал ранее Борис Годунов, в бытность Правителем при царе Федоре Иоанновиче, а став царем, передал его брату. И Шуйский став царем передал двор своему брату.

Исследователи старины Москвы пишут, что в своем новом владении Трубецкой устроил небольшую домовую церковь в честь Благовещения.

Более полутора веков Трубецкие оставались обитателями Кремля. И только в 1770-х годах по указу императрицы Екатерины II казна выкупила их огромное кремлевское владение (более 1000 сажень) для постройки на том месте здания Сената. Это был последний частный двор в московском Кремле.

На выкупные деньги в 1772 году последний владелец кремлевского двора Трубецких прадед Л. Толстого князь Дмитрий Юрьевич Трубецкой приобрел роскошную усадьбу Апраксиных на Покровке (красивейшее в стиле елизаветинского барокко здание сохранилось и сегодня). Сюда же он перенес из кремлевского двора и домовую Благовещенскую церковь Дмитрия Тимофеевича Трубецкого.

Сложностей у Правителей прибавилось, а не убавилось.

За время последних лет Смуты накопилось много дел от городов и землевладельцев – все они потоком хлынули в Правительство.

Наступила осень и после торжеств и радостей для подведения осенних итогов на собственных землях многие (историки считают – половина) дворяне с отрядами уехали из ополчения домой. Оставались верные военному делу казаки, московские стрельцы да часть Второго ополчения. Но все требовали денег, а с городов присылок поубавилось.

Во все города нужно было рассылать Грамоты о сборе средств, чтобы не разошлись все.

Теперь шапка Грамот звучала так: «Московского государства боярин и воевода Дмитрий Трубецкой да воевода и стольник Дмитрий Пожарской с товарищи челом быют...»

А тут оказалось, что польские напасти не кончились.

Еще в августе Сигизмунд, накопив немного средств и с трудом собрав (как и полгода назад ополчение Минина и Пожарского) всего несколько тысяч войска (ни сейм, ни шляхта воевать не хотела), двинулся в путь с Королевичем Владиславом для вступления в царствование его Московским государ-

ством, в котором *крестное целование Владиславу было порушено смутьянами и изменниками.*

Пройдя Смоленскую землю, он вошел в подступы к Московской земле и занял Вязьму и послал оттуда грамоты москвичам. Как всегда, нашлись помощники и помчались с этими грамотами в Москву звать москвичей повиниться и принять законного государя. Когда их схватили, тут-то и выяснилось, что Сигизмунд уже в Вязьме и его укрепил своей гвардией Ходкевич.

Нужно было снова воевать. Но теперь воевать не в привычной Москве, а на дальних пространствах, оборонять города, которые с легкостью уже начали переходить «под законную руку государя Владислава».

Но гетман Ходкевич уже знал, что Москву так просто не взять, а без неё никого царства Владислава не достигнуть. Нужно было убедить короля.

«В Москве, когда узнали о приближении короля, - пишет Соловьев, - то на воевод напал сильный страх: ибо ратные люди почти все разъехались, выйти навстречу к неприятелю было не с кем, сесть в осаде также нельзя, потому что не было достаточно съестных припасов. Несмотря на это, решили помереть всем вместе, и когда отряд Жолкевского приблизился к Москве, то его встретили мужественно и прогнали.

При этой схватке был взят в плен поляками смольнянин Иван Философов; Жолкевский велел расспрашивать пленника, хотят ли москвичи королевича взять на царство, людна ли Москва и есть ли в ней запасы? Философов отвечал решительно, что Москва и людна и хлебна, и все обещались помереть за православную веру, а королевича на царство не брать; то же самое Философов повторил и перед самим королем»

Давнишний исследователь Смуты в Советское время Скрынников сообщает и другое: «В городе упорно толковали о том, что члены семибоярщины тайне готовы вновь сдать столицу королю. В руки поляков попал дворянин Философов из рати Пожарского. На допросе он сказал: «На Москве у бояр, которые королю служили, и у лучших людей хотение есть, чтобы просити на королевство великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а имено де о том говорити не смеют, боясь казаков».

«Новый летописец» о сражении под Волоколамском:

«327. **О приступе к Волоку.** Услышал то король, что московские люди все на том встали, чтобы не брать сына его королевича на Московское государство, и повелел приступать сильными приступами к Волоку. На Волоке же в ту пору был воевода Иван Карамышев да Степан Чемесов, от них же толку мало было во граде. Бой же вели атаманы: Нелюб Марков да Иван Епанчин, бились на приступах, едва за руки не берясь, и на трех приступах перебили великое множество литовских и немецких людей».

И Сигизмунд 28 ноября пошел в Польшу, потеряв немало людей от зимней стужи и нападения шишей-партизан.

Мы пока не нашли упоминаний, кто же был послан Правителями (Трубецким и Пожарским) навстречу авангарду Жолкевского, что это было за

сражение под Ваганьковым. Видно, снова казаки были главной силой, а об этом говорить было не принято, но в рассказе о Волоколамске обойтись без них было никак нельзя. И Герои эти стали известны – атаманы Нелюб Марков и Иван Епанчин. «Русские люди, - пишет один современный писатель, - припоминая все то, что сделали донцы в страшную эпоху лихолетья, тогда же сложили поговорку: «пришли казаки с Дону — погнали ляхов к дому».

Ключевский по этому поводу говорит: «Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда и заставили его вернуться домой. Дворянское ополчение здесь еще раз показало в смуту свою малоприспособленность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью».

Созыв Земского собора - «А царской престол вдовует»

Пора было приступить к обещанному – выбору всей Землёй русского царя. И во все города в ноябре пошли Грамоты обоих князей Дмитриев со товарищи. Собирались плохо. И разногласий было немало. Весь декабрь отправлялись повторные грамоты.

Приведем одну из Грамот 1612 г. декабря 31-го дня – в ней внимательный читатель найдет особенности избирательности процесса.

«Грамота Д.М. Пожарского, Д.Т. Трубецкого и всего Земского собора на Двину воеводе Н. М. Пушкину и др. о присылке выборных людей

/Л. 806/ Список.

На Двину архимаритом, и игуменом, и протопопу, и всему освященному собору, и воеводе господам Миките Михайловичу Пушкину да дьяку Путилу Григорьеву, и посадским старостам, и целовалником, и всяким жилецким и уездным людем Московского государства архиепископы и епископы и всего духовново чину и боярин и воевода Дмитрей Трубецкой да стольник и воевода Дмитрей Пожарской со товарищи, и столники, и стряпчие, и дворяня московские, и приказные люди, и дворяня и дети боярские из городов, и головы стрелецкие и казачьи, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и всякие служивые люди, и гости, и торговые люди, и всего Московского государства всяких чинов люди челом бьют.

Писали, господа, мы к вам наперед сево и не одиножды, чтобы вы для великово земсково общеву совету и для государьсково обирания, выбрав из духовново и изо всяких чинов лутчих и разумных, крепких и постоятельных людеи десяти человек, прислали к нам, к Москве, на Николин день осенней. И вы, господа, для великово земсково совету и для государьсково обирания выборных людеи и по ся места к нам не выслали, а зачем не выслали, и вы о том к нам декабря по 30 день не писывали. А изо многих городов к нам, к Москве, власти и всяких чинов

люди для государьсково обирания и для великово земсково /л. 806 об./ дела совету съехались.

А ожидаем мы и выборные люди вас. А у нас за советом з Двины выборных людей государское обирание продлилось, и Московское государство без государя ничем не строится и на многие части воровским заводом разделяется, и межуособство вчиняется. Вор Ивашко Заруцкой с Маринкою и с сыном ее, прибрав к себе воров, холопей боярских и пашенных мужиков, которые не хотят покою християньсково и тишины, в Резанских пригородках стоит, и государства Московского землю пустошит, и с литовским королем ссылается, и умышляет, чтоб им вскоре, покаместа государя у нас нет, Маринкою и сыном ее в городех малодушных людей прельстив, государством Московским завладеть к Польше и к Литве, нас, бояр, и всяких людей побить и утвердить свою проклятую латынскую римского закона веру. И мы ныне общим великим советом приговорили для великого земсково совету и государьсково обирания ехать к нам, к Москве, из духовново чину пяти человеком, и с посадцких и из уездных людей дватцати человеком. Ис стрельцов пять человек. А бояр, и окольных, и столников, и стряпчих, и дворян московских, и жилцов, и приказных людей, и московских жилецких людей, которые живут в городех, приговорили выслать к Москве к Крещенью Христову нынешнево 121-го году.

И вам бы, господа, /л. 807/ по нашему приговору выбрать крепких и разумных и настоятельных людей из духовново чину пяти человек, да ис посадцких и из уездных людей дватцати человек, ис стрельцов пяти человек да тех выборных людей для государьсково обирания, дав им от себя полной достаточной приговор, как им о государьском обирание и о великом земском деле с нами во всех вас место советовати и говорить и государьское обирание постановити безо всякого страхованья.

А толко вы для земсково обирания выборных людей к Москве к Крещенью не вышлете, и нам всем мнится, что вам Московское государство и государь на Московском государстве не надобен.

А где что грехом зделается худо, и тово възыщет бог на вас.

Писан на Москве лета 7121-го декабря в 31 день».

Дмитрий Трубецкой – как кандидат на царский престол

Поскольку истории иногда ставят в некий упрек нашему Герою, что он имел смелость (наглость) позволить обсуждать свою кандидатуру на престол, то мы тоже рассмотрим эту проблему.

Кстати и прежний владелец обширного имения Гребнева боярин Богдан Бельский, оружничий Ивана Грозного, тоже числился среди 4-х кандидатов после смерти царя. И не раз попадал из-за этого в опалу.

Род Трубецких был очень знатен в Литовско-русском государстве и остался таковым после перехода князей под руку великих князей Московских.

В Московском государстве в числе только семи родов имели право быть жалованными боярством без промежуточных чинов.

Ведет род начало от Великого князя Литовского Гедимина и его сына Ольгерда, сильного строителя большой Литвы от Вильно до Можайска и Черного моря (*«Не столько силою, елико мудростью воеваше»*, – говорит о князе Ольгерде Никоновская летопись). Выдача Елены, дочери Ольгерда, за князя Владимира Серпуховского, двоюродного брата и верного союзника в.к. Дмитрия (Донского), скрепило союз Литвы и Москвы. Два старших брата Елены Дмитрий и Андрей со своими дружинами сражались в Куликовской битве. От этого Дмитрия старшего и происходит род Трубецких.

Родовую фамилию князя Трубецкие получили по Трубчевскому уделу Русско-Литовского государства в Северской земле. На их гербе-щите - два грифа, держащие княжескую шапку, польский белый орел, герб Великого княжества Литовского - литовский всадник с саблей в руке (герб «Погоня»), и бычья голова.

В 1500 г. в числе нескольких князей русско-литовского пограничья предки Трубецкого перешли в подданство России.

Трутовский в своем «Сказании о роде князей Трубецких» пишет, что отец князя Дмитрия Трубецкого, Тимофей Романович был полковым воеводою в 1577 году в Лифляндском походе Ивана Грозного, в 1579 году получил боярство и занимал во многих городах, походах и сражениях высокие должности, выполнял важные дипломатические поручения и при его сыне Федоре Иоанновиче и при Борисе Годунове. Он скончался в 1603 году.

«Достаточно успешная карьера была обеспечена и его сыну. В возрасте 16—17 лет Д. Трубецкой — стольник при дворе царевича Федора Борисовича. После его воцарения он должен был составить его ближнее окружение. Однако свержение Годуновых положило конец продвижению Трубецкого по лестнице чинов. И при Лжедмитрии I, и при Василии Шуйском наш новый герой все еще оставался стольником. Путь молодого князя к престолу старого Шуйского был закрыт. Это обстоятельство, видимо, и заставило Дмитрия сменить государя». (Трутовский)

Дальнейшее читателям известно. Добавлю, что боярами были и прадед Дмитрия князь Семен Иванович, наместник Костромы, и дядя Никита Романович и родственник Андрей Васильевич, сидевший в семибоярщине и скончавшийся там в 1612 году в Кремле.

И последующие поколения насчитывали немало государственных мужей и другой элиты России.

Так что не было ничего удивительного, что многие историки упоминают о возможности сторонников Трубецкого представить его на царство.

Его кандидатура, как и кандидатура Пожарского, конечно, обсуждалась в среде собираемых на Земский собор для избрания царя.

Важным моментом при этом было и занятие Трубецким в Кремле двора Годуновых, и пожалование ему Земским собором (правда, далеко не в полном составе) в знак особых заслуг перед государством в вотчину огромной дворцовой волости Вага, цитату из Грамоты об этом мы цитировали вначале.

Приведем ее полный текст:

Грамота жалованная Боярину и Воеводе Князю Димитрию Тимофеевичу на отчину Вагу, данная от Российских Архиереев и Бояр во время междоцарствия в России в 1613 г.

Божиею милостию великих Государств Российского царства Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимандриты и Игумены и весь освященный собор, и Цари и Царевичи разных земель, которые служат в Московском Государстве, и Бояре и Окольничие, и Стольники, и Стряпчие, и дворяне, и приказные люди, и дворяне приказные люди, и дворяне из городов, и дети Боярские и всякие служилые, и гости, и торговые, и всяких чинов люди Московского Государства, *приговорили Боярину и Воеводе Князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому дати в вотчину Вагу со всеми волостями и с доходы,*

потому же как была Вага прежде сего при великом Государе Царе и Великом Князе Федоре Ивановиче всея Руси за Борисом Федоровичем, а после того при Государе Царе и Великом Князе Василье Ивановиче всея Руси за Боярином за Князем Дмитрием Ивановичем Шуйским,

за его Боярина Князя Дмитрия Тимофеевича к Московскому Государству многие службы, и за радение, и за промысл, и за дородство, и за храбство, и за правду, и за кровь,

как в прошлом во (7)119 (1611) году по вражью действу и по своему злему умыслу Польской и Литовской Жигимонд Король, преступив свои Многие крестные целованья, и поруша мирное постановление, прислал под Москву Гетмана коруны Польской Станислава Желковского, злокозненным, коварством умысла, как ему Московское Государство под себя и под Польшу и под Литву привести; и Гетман Станислав, пришед под Москву, Московских Бояр и всяких чинов людей прельстил, дав запись о всем по боярскому хотению, как было Королевичю быти на Московском Государстве, и по той договорной записи ни которые статьи не сдержал, все нарушил, и советовав Московского Государства с изменниками, с Михаилом Салтыковым с товарищи, вошли в Москву, и учили православным христианам тесноту чинити, Церкви Божии православные Христианские веры Греческого закона осквернять и разорять, и вере погуганье чинить, и Римские костелы, и веру Римскую заводить, и всякое насильство и тесноту и разоренье православным христианам чинити, и царствующий град Москву по его велению Польские и Литовские люди выжгли и высекли, и церкви Божии, в которых из давних лет славилось

имя Божие за весь мир жертва к Богу приносилась, разорили, и Чудотворны мощи обругали, и сами в Москве сели.

И Боярин и Воевода Князь Дмитрий Тимофеевич, видя святым Божиим церквам разоренье и святой вере православной поруганье, и такое многое невинное Крестьянское кровопролитие, хотя врагам, Польским и Литовским людям, их неправду и крестопреступление и разоренье святых Божиих церквей, и погранье, и поруганье православной Христианской веры, и кроворазлитие невинной Христианской крови отомстить, и крови и царствующий град Москву от них, врагов, очистити, во все города к нам к Боярам и Воеводам, которые были по умышлению Польских людей и Московского Государства изменников разосланы по городам с ратными людьми, и на Дон и на Яик, и на Волгу, к Атаманам и к Казакам писал объявляючи Польских и Литовских людей неправду и от них разоренье святым Божиим церквам и царствующему граду, чтоб мы все с ним были единомышленны на их вражье мщенье;

и мы, видя злокозненные умыслы Польского Жигимонта Короля, и от него Московскому Государству разоренье, и крестьянской крови безчисленное пролитие, и нашей истинной Крестьянской веры поругание, а по его Князя Дмитрея Тимофеевича благоприятному и премудрому совету и разуму, видя его на их мщенье *всем сердцем подвижна*, собрався к нему, и за его разум и премудрость, и за дородство, и за храбрость, и за правду, и за ревнительство по святых Божиих церквей и православной Крестьянской вере, по великородсгву его, в Московском Государстве; Правителем избрали, и пришед под Москву по милости Всемогущего в Троице славимого Бога нашего, и пресвятая Богородицы, и великих Чудотворцев молитвами, большой каменный Царев город все ворота и башни взятемъ взяли, а после того новой Девичь монастырь; и в том взяте многих Польских и Литовских и Немецких людей побили и живых поймали, а к Китаю и к Кремлю многими приступы приступали, и многих Польских и Литовских, и Немецких людей в приступах и на вылазках без числа побили.

И как по Божией милости Стольник и Воевода Князь Дмитрей Михайлович Пожарской, собрався с нами, с Цари и с Царевичи и с Бояры и Воеводы, и Стольники, и Стряпчими, и с дворяны и детьми Боярскими Верховных, и Украинных, Северских и Поморских городов, и с Казанскими Князьями и Мурзами, и со всякими служилыми людьми, пришел к Боярину и Воеводе ко Князю Дмитрею Тимофеевичу в сход под Москву; и положи меж себя они благосоюзный совет быти истинно по Христе и по истинной нашей православной Крестьянской вере Греческого закона крепкие поборники, многим своим бодроопасным осмотрением и премудрым разумом Московское Государство очищали, с Польскими и Литовскими людьми, которые сидели в Москве, бились и многу им тесноту и голод чинили.

И как по повелению Жигимонта Короля Гетман Великого княжества Литовского Карл Хоткевич, собрался с Польскими, и с Литовскими, и с Немецкими, и с Венгры, и с Угры со многими людьми, пришел под Москву похвалясь, превысочайшею нечестивою гордостью распалась, аки лев рыкая, хотя всех нас православных Крестьян поглотити, а Московское Государство и нашу православную Христианскую веру до конца разорити, и к Московским сидельцам в город запасы пропустити, и тем их хотя скрепити, а Бояр и Воевод и все Христоименитое воинство от Москвы отгонить;

и милосердый в Троице славимый Бог наш, по умолению Богоматери своей пречистой Богородицы, нашей Христианской Надежды и Заступницы, и Московских, Чудотворцов Петра, и Алексия, и Ионы, *дали Боярину и Воеводе, Князю Дмитрею Тимофеевичу Трубецкому храбрость и утверждение, и дерзосердие против Гетмана: сам бился не щадя головы своей три дня да три ноци*, и рать многую Московского Государства утверждали и на бой подвизали безо всякого сумнения и страху: и молитвами прочистил Богородицы и Великих Российских Чудотворцев Господь Бог победу и одоленье на Польских и Литовских людей подал, Гетмана Карлуса Хоткеева побили, и запасов в город не пропустили, и от Москвы отогнали,

и Польские и Литовские люди, которые сидели в Москве, стали безнадёжны; а после того своим крепким разумом и бодроопасным осмотрением, не давая себе николи покоя, со всяким многим трудом и тщанием почали Московского Государства доступати и своим радением, и промыслом, и щастьем Московского Государства и святых мест церковей Божиих, которые в целости ещё остались, доступили и Еласонского Архиепископа Арсения, и священноиноческих чинов, и пленных и насилующих Бояр, Князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи, и Окольничих, и Стольников, и Стряпчих, и Дворян, и всяких людей, которые у Польских и у Литовских людей в неволе сидели в Москве, и их жён и детей, и всех православных Крестьян от плена свободили, и разорителей Московского Государства и на православную Христианскую веру гонителей, Польских, и Литовских людей, в Китай городе во взятье побили, а достальных Полковников, и ротмистров, и шляхтичей, и гайдуков, и Немец, многих же людей в Кремле городе взяли за щитом, и Московское Государство и святые Божии церкви, которые от Польских и от Литовских людей были осквернены, очистили.

И после того пришел был в Московское Государство Польской Жигимонт Король со многими людьми, похвалясь великое Российское Государство под себя, и под Польшу, и под Литву подвратити, и нашу истинную православную Христианскую веру до конца разорити, да свою злую Католицкую ересь во всем Московском Государстве утвердить; и как учинилось ему ведомо, что *промыслом и раденьем, и храбростью Боярина и Воеводы Князя Дмитрея Тимофеевича Трубецком, да Столь-*

ника и Воеводы Князя Дмитрея Михайловича Пожарского, царствующий град Москва у Польских и у Литовских людей взять, и Польские и Литовские люди пойманы, а Многие бесчисленно побиты, месть над ними Бог по их злым делам воздал, и Король побежал от Волока с великим страхованьем в Польшу, и на побеге у него многих людей Польских и Литовских побили.

И за те Боярина и Воеводы Князя Дмитрея Тимофеевича многие службы и промыслы, и за правду и радение к Московскому Государству, и за дородство, и за храбрость, та его Вотчина Вага ему Боярину Князю Дмитрею Тимофеевичу в вотчину ему, и его жене, и детям, и внучатам, и правнучатам в род его в веки неподвижна: и вольно ему ту свою вотчину продать и заложить и по душе в Монастырь отдать, и роду своему и племени кому похочет дати.

А как Бог даст на Московское Государство Государя Царя и Великого Князя всея Руси, и нам Митрополитом, и Архиепископам, и Епископом, и Архима(нд)ритам, и Игуменам, и всему освященному Собору и Царям, и Царевичам, и Князям, и Мурзам, которые служат Московскому Государству, и Боярам, и Воеводам, и Окольничим, и Чашникам, и Стольникам и дворянам большим, и стряпчим и дворянам из городов, и Детям Боярским, и всяких чинов людям, Государю Царю и Великому Князю бити челом, чтоб Государь пожаловал велел Боярину и Воеводе, Дмитрею Тимофеевичу на сию его вотчину дати свою Царскую грамоту, против сей же грамоты, за красною печатью.

А на большое утверждение дали есмя сию грамоту Боярину Князю Дмитрею Тимофеевичу в Соборной и Апостольской церкви пречистыя Богородицы честного и славного ея Успения у Чудотворного образа ея Владимирского, еже написа божественный Евангелист Лука, у многоцелебных Чудотворных мощей Московских Чудотворцев Петра и Ионы, и руки свои есмя к той грамоте приписали, и печать земскую привесили, что быти крепко и стоятельно и непременно на веки.

Дана сия грамота в царствующем град Москве лета от создания Мира 7122 Генваря месяца.

На обороте грамоты подписи:

Смиранный Кирил Митрополит Ростовской и Ярославской. Троицы Сергиева Монастыря Архимарит Денисей. Смиранный Феодорит Архиепископ Резаньский и Муромский. Смиранный Арсений Божию милостию Архиепископ Архангельский.

Князь Дмитрей Пожарской.

Василей Бутурлин во князя Дмитреево места Моструковичя Черькасскаво и в свое места руку приложил.

Князь Петр Пронскай руку приложил.

Кнезь Олексей Лвов и во князь Юрьево место Аншеичя (Сулешева) руку приложил.

Михайло Бутурлин руку приложил. Князь Федор Борятинской руку приложил. Михаила Пушкин руку приложил. Князь Иван Ондреевич Голицын. Иван Биркин руку приложил.

Чудова Монастыря Архимарит Авраамей руку приложил. Спаса Нового Архимарит Иосиф. Симонова Монастыря Архимарит Павел. Андроникова Монастыря Архимарит Сергей. Троицы Сергеева Монастыря келар Авраамий. Спасской из Ярославля Архимарит Феофил. Колязина Монастыря Игумен Феодосей. Борисоглебского Монастыря из Торжку Архимарит Иона. Богоявльея Господня с Коломны Голутвина Монастыря Игумен Авраамей.

Чудова Монастыря Келарь Мисайло руку приложил.

Игнатий Михнев руку приложил.

Из Ярославля Спасской Келарь Перьфирей.

(Впервые грамота была напечатана Новиковым в Древней Российской Вивлиофике, изд. 1-е, часть VIII, стр. 376—388; изд. 2-е, часть XV, стр. 201—211. Новиков сообщал, что подлинная грамота хранится у его сиятельства князя Петра Никитича Трубецкого²⁰. [Трутовский. Приложение №8]

С Трудом собирался Земский собор, прошел январь, а многие города так и не прислали свои делегации. Трубецкой и Пожарский снова писали грамоты в города – им хотелось собрать наиболее полное представительство России, чтобы Земский собор был Собор «всех Руси», а не Москвы и ближних городов, как это были при избрании Годунова, а тем паче у Шуйского. Именно этот фактор тогда послужил причиной Смуты.

Избирательная кампания уже началась и возможные кандидатуры обсуждались по кабакам и в боярских домах, и в собраниях духовенства... Всем бы хотелось поскорее уйти от смуты, но и не попасть в новую Смуту...

Недоброжелатели говорят о 40 тысячах казаков, которых богатый князь якобы Трубецкой кормил и поил, чтобы их представители проголосовали за него, говорят также о громадной сумме в 20 тысяч рублей, которые бедный князь Пожарский растратил на избирательную кампанию. Ну, это, как и сейчас, чего только не говорят о кандидатах.

Пожарского поддержал бы северо-восток, Трубецкого - юг и юго-запад. Опять раздоры – это понятно, и оба князя Дмитрия отказываются от выдвижения.

Денег по-прежнему правительство собирало мало, не хватало на выплаты жалования ни стрельцам, ни казакам. Казаки подняли бунт и начали трясти и духовенство «Дайте нам скорее царя», чтобы о них озаботился.

Избрать можно было любого, но оставалась проблема убеждения простых подданных, что царь избран честно. Только так может закончиться Смута. А солидной кандидатуры с обоснованием не находилось.

²⁰ Князь Петр Никитич Трубецкой (1724-1791), сын владельца Гребнева князя Никиты Юрьевича Трубецкого (генерал-фельдмаршала) и Анастасии Гавриловны урожд. княжны Головкиной, сенатор, автор нескольких стихотворений и переводов.

Опальных наш народ, согласно христианской традиции, особо любит, но митрополит Филарет Романов (патриарх у тушинцев) все еще томился в польском плену, да он и не имел уже право быть царем, так как Годуновым был пострижен в монахи. Но здесь и пришло компромиссное решение - его юный сын, просидевший с матушкой в осаде Кремля и освобожденный Трубецким и Пожарским.

На год постарше королевича Владислава, Михаил мог бы под сенью опального патриарха принят Русью. Нужно было найти только соответствующее обоснование. И такое обоснование нашлось – Михаил был назван природным государем, так как он, мол, был племянником царя Федора Иоанновича. Действительно, отец Михаила Филарет (Федор Никитич) был племянником царицы Анастасии Романовны, 1-й жены Ивана Грозного, матери последнего «природного государя» Федора Иоанновича.

И Земский Собор, похоже, единодушно проголосовал за избрание царем Михаила Федоровича. Под Грамотой об избрании поставили свои подписи Трубецкой и Пожарский и многие участники Собора.

Дальнейшая судьба князя Дмитрия Тимофеевича

Итак, 21 февраля 1613 г. Собор избрал царя. Пока посылали за ним в дальние костромские края делегацию, пока с трудом матушку его, инокиню Марфу, уговорили принять избрание сына Михаила Собором на Российское царство прошли месяцы. Все эти месяцы Трубецкой и Пожарский оставались Правителями, но в последние месяцы Грамоты рассылались уже от имени Собора.

Наконец 11 июня состоялось венчание Михаила Федоровича Романова

на царство. Царский престол перестал «вдоветь» и обрел законного царя.

В торжественной процессии бывшие Правители несли царские регалии: князь Трубецкой – скипетр, а Пожарский – державу (хранятся в Оружейной Палате Кремля).

Оба затем были на государственной службе, участвовали в различных военных походах, на знатных местах встречали митрополита Филарета из польского плена и многих послов и других дворцовых мероприятиях.

«Царь и великий князь Михаил Федорович, всея великия России самодержец» со скипетром (слева) и державой (справа)

Боярство Трубецкого, пожалованное «царевичем Дмитрием Иоанновичем» (Лжедмитрием II), никто не оспаривал, оно было подтверждено Собором в Грамоте о Ваге и принято царем. Князь Пожарский царём был тоже пожалован в бояре на 2-й день после коронации, а Минин жалован думным дворянином.

Говорят, что владение Трубецкого Вагой было царем подтверждено, но не *в род его* (в вотчину), а только *по жизни* – в поместье. Детей у него так и не было. 4 августа 1617 у него умерла жена Мария Борисовна, и он был венчан вторым браком с NN Анной Васильевной. И Трубецкие, и сам тщательный составитель их Родословной по архивным документам Трутовский В.К. фамилии обеих жен не приводят.

Но так как старая вотчина Воронцовых, подмосковное Гребнево (см. далее) в 1623 году была пожалована Трубецкому, то наш краевед М. Баев, автор книги «Вторичное открытие села Гребнево», отнес *Анну Васильевну* к дочери воеводы Василия Воронцова, бывшему владельцу Гребнева до 1577 года, погибшему под Кесью в Ливонской войне 1578 года. Тем более, что у Василия Федоровича Воронцова, действительно, были две дочери *Анна и Авдотья*. Архивы отметили, что в 1613 они, еще остававшиеся в старых девах (им было более 40 лет), пожалованы были вместе с матерью *Марьей Васильевой* камками – узорными шелками с золотым шитьем.

Так или иначе, но Баев сообщает, что княгиня Анна Васильевна Трубецкая занимала видное место при дворе царицы – сперва, в начале второго десятилетия, а потом вошла и в первый, наиболее приближенный, круг царицы.

В 1625 году князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой был назначен наместником громадной Сибири – воеводой в её столицу Тобольск (как иногда называли этих воевод – «князь Шенкурские»). В длинной весенней дороге, заболел и скончался в Тобольске 26 мая.

Часть историков считает, что это его назначение было опалой царя. Но среди воевод Тобольска мы видим многих значительных личностей, и даже потом наследника многих имений Дмитрия Тимофеевича (вместе с Гребневым) – двоюродного его брата князя Алексея Никитовича Трубецкого. И назначение в Сибирь, где наместник имел право беспешинной торговли пушниной, многими рассматривалась как особая

Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры, в подклети которого похоронен князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и его родные

милость на получение большой прибыли (кормления).

Мы не знаем судьбу Ваги, которая как бы была и не была во владении Трубецкого, но и без Ваги у него числилось достаточно большое число землевладений.

Князь внес значительные вклады в Троице-Сергиев монастырь, где под западной папертью Троицкого собора сделана в ряду других «палатка» Трубецких [по Голубинскому – в третьей от входа с юга палатке]. Сюда перенес князь из усыпальницы в Трубчевске прах своего отца Тимофея Романовича (-1602), там же упокоились его брат Александр-Меркурий (-1610), княгиня Мария Борисовна (1617) - первая жена князя, а потом и он сам, а впоследствии и его вторая жена - Анна Васильевна (ум. ранее 1655).

«В «Собрании портретов Россиян знаменитых», изданных Платоном Бекетовым, помещен поясной портрет кн. Дмитрия Тимофеевича, работы гравера А. Афанасьева. *«Он представлен, в богатом боярском платье, с широ-*

кой густой бородой, зачесанными вперед волосами, и повороте eu trois quarts. Выражение лица сосредоточенное и задумчивое, а глаза устремлены вперед, в бесконечное пространство. Какая то глубокая дума легла на челе «спасителя отечества» - так описывает портрет Трутовский В.К.

Вдова его продолжала после смерти князя-атамана управлять его различными поместьями. Принадлежали ему в разных уездах, вероятно, более десятка имений, да еще совместных с другими: наше Гребнево (жаловано в 1623 г. в Бохове стану (в Щелковском районе, см. далее), Беседы в Шеренском Отъезжем стане (до 1623, у Черноголовки), Беседы около известных нам Горок Ленинских (жаловано в 1619). Селение Копытово, пожалованное князю Дмитрию в 1621 и вошедшее в начале 1900-х в черту Москвы, сменило потом свое имя на *Алексеевское* по церкви Алексея человека Божия, построенной в 1644-1646 гг. Анной Васильевной (ст. метро «Алексеевская» и Алексеевский район Москвы – названы по селу) и др. имения.

На этом мы заканчиваем описание биографии князя, но прежде чем приступить к краеведческим страницам книги, связанным с нашим героем, приведем рассказ еще об одном славном эпизоде – как *честная глава* князя Трубецкого в советские богоборческие времена спасла от поругания *святую главу* Сергия Радонежского.

Подмена святой главы прп. Сергия Радонежского

Итак, речь идет о некрополе Трубецких в подклетах Троицкого собора. 1919 г. В ночь с 10 на 11 апреля граф Олсуфьев²¹ вошел в подземную «палатку» Трубецких и, вскрыв гроб князя Трубецкого, достал оттуда потемневшую от времени главу (череп). Назавтра большевиками намечалось вскрытие раки с мощами прп. Сергия Радонежского и выставление их на поругание. В ту же ночь Олсуфьев вместе с архимандритом Кронидам (Любарским)²² и священником Павлом Флоренским²³ вскрыли раку преподобного и, с трудом отделив с помощью «церковного копия» честную главу от остальных мощей, приложили к ним череп князя Трубецкого.

Архимандрит Кронид пристроил на череп князя монашескую шапочку. Осторожно, чтобы полуистлевшие кости не рассыпались, положил в изголовье. Бережно укрыл тканью. Все вместе еще раз оглядели раку - внешних следов подмены нет.

Внук Флоренского Павел Флоренский рассказывает: - Историю спасения главы Сергия Радонежского дед записал на греческом языке на форзаце

²¹ Граф Юрий Александрович Олсуфьев (1878-1938) – в 1920 – сотрудник советского музея в Лавре, искусствовед, реставратор. Расстрелян.

²² Архимандрит Кронид (Любимов) (1859-1937) - настоятель Троице-Сергиевой лавры с 1905 г., преподобномученик. Расстрелян.

²³ Павел Флоренский (1882-1937) – (1882-1937), православный философ и богослов; физик, математик, инженер. Расстрелян

одной из священных книг. Короткое сообщение потомкам на случай своей гибели. Только факт, без имен и фамилий...

Сначала главу преподобного хранили в ризнице Лавры, а после её закрытия через год архимандрит Кронид передал ее Олсуфьеву. Тот прятал реликвию в своем доме на Валовой улице в Сергиеве Посаде, потом уложил в дубовый ларец из-под столового серебра и закопал в саду возле своего дома.

В 1933-м году, когда по Сергиеву Посаду прокатилась еще одна волна арестов, Олсуфьев доверил тайну художнику Павлу Голубцову, сыну профессора Московской духовной академии. Велел перепрятать. Голубцов тайно перенес ковчег из сада в Николо-Угрешский монастырь и закопал там. Вскоре он узнал, что графа Олсуфьева арестовали...

На свободе остался один Голубцов. Он хранил тайну Сергия Радонежского, а преподобный берег его самого. На фронте с 41-го до Победы. Четыре года на передовой, под пулями и бомбами. И ни одного ранения! Он дал обет - если выживет, посвятить себя служению Богу.

Вернулся Павел в Москву, поехал в Николо-Угрешский монастырь. Отыскал только ему известное место. Откопал ларец с главой Сергия Радонежского. Потом вспоминал, что она показалась ему непомерно тяжелой. Словно впитала в себя всю боль народа, всю кровь, пролитую на войне. Уложил ларец в солдатский вещмешок. Принес его Екатерине Васильчиковой, племяннице князя Олсуфьева.

- Екатерина Павловна поставила ларец на самое заметное место в квартире - на комод. А сверху приспособила горшок с каким-то цветком из семейства лилейных. Не столько для конспирации, сколько для того, чтобы как-то украсить святыню....

В 1946-м году Троице-Сергиеву лавру вернули верующим. Павел Голубцов понял, что настало время возвратить главу Преподобного. Он пришел к патриарху Алексию. В солдатской шинели, с холщовым мешком, похожим на нищенскую суму. В нем лежала сбереженная им святыня. Павел рассказал все, что знал.

Светлейший услышав знакомые имена и его сердце сжалось от боли и скорби. Патриарх не знал, живы ли Павел Флоренский, архимандрит Кронид, князь Олсуфьев. Томятся ли в заключении или уже предстали перед Всевышним, как тысячи других мучеников? Но Алексей помолился о них как о живых. Ведь для Господа нет мертвых...

С благословения патриарха главу Сергея Радонежского заменили вновь. Опять ночью. Тихо, чтобы не узнали власти. Патриарх лично убедился в подлинности святыни. Доказательством стали те самые характерные следы от копия, которые остались на позвонке и черепе...

Мы, конечно, не знаем, чьи останки послужили этому событию - самого князя Дмитрия Тимофеевича или его отца Тимофея Романовича. Это посмертный подвиг князей Трубецких.